Глава I

Ураган 1865 года. — Крики в воздухе. — Смерч уносит воздушный шар. — Оболочка лопается. — Кругом вода. — Пять пассажиров. — Что происходит в корзине. — Земля на горизонте. — Развязка.

— Мы поднимаемся?

— Нет! Напротив! Мы опускаемся!

— Хуже того, мистер Сайрес: мы падаем!

— Выбросить балласт!

— Последний мешок только что опорожнен!

— Поднимается ли шар?

— Нет!

— Я как будто слышу плеск волн!

— Корзина — над водой!

— До моря не больше пятисот футов[1]!

В воздухе раздался властный голос:

— Все тяжелое за борт! Все!..

Эти слова слышались над безбрежной пустыней Тихого океана 23 марта 1865 года, около четырех часов дня.

---

[1] Фут — около 30 сантиметров (*здесь и далее примечания переводчика*).

Все, разумеется, помнят жестокую бурю, разразившуюся в этом году во время равноденствия. Барометр упал до 710 миллиметров. Страшный норд-ост дул, не утихая, с 18 по 26 марта. Он произвел невиданные опустошения в Америке, Европе и Азии, на территории в тысячу восемьсот миль — между тридцать пятой параллелью северной широты до сороковой южной параллели.

Разрушенные города, вырванные с корнем леса, берега, опустошенные нахлынувшими горами воды, сотни кораблей, выброшенных на берег, целые области, разоренные смерчем, все сметавшим на своем пути, тысячи людей, раздавленных на суше или поглощенных водой, — вот последствия этого неистовствовавшего урагана. Он произвел больше опустошений, чем бури, уничтожившие Гавану и Гваделупу 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

В то самое время, когда на суше и на воде происходило столько ужасных бедствий, в воздухе разыгрывалась не менее страшная драма.

Аэростат, уносимый смерчем, вертелся в бешеном вихре, словно маленький шарик. Непрестанно крутясь в воздушном водовороте, он несся вперед со скоростью девяноста миль[1] в час.

Под нижней частью шара качалась корзина с пятью пассажирами, едва видимыми в густых, пропитанных водяной пылью облаках, нависших над самым океаном.

Откуда взялся этот шар — беспомощная игрушка страшной бури? В какой точке земли поднялся он на воздух? Он не мог, разумеется, пуститься в путь во

---

[1] Или 166 километров (46 метров в секунду).

время урагана. А ураган длился уже пятый день. Значит, шар примчался откуда-то издалека. Ведь в сутки он пролетал не менее двух тысяч миль.

Во всяком случае, его пассажиры не имели возможности определить пройденное ими расстояние. Им не на что было ориентироваться. Это покажется удивительным, но они даже не чувствовали уносившего их страшного ветра. Перемещаясь и кружась в воздухе, они не ощущали вращения и движения вперед. Их взгляды не могли пронизать густого тумана, обволакивавшего корзину. Все вокруг было окутано облаками, такими плотными, что трудно было сказать, ночь ли сейчас или день. Ни луч света, ни шум населенного города, ни рев океана не достигали ушей воздухоплавателей, пока они держались на большой высоте. Лишь быстрый спуск открыл аэронавтам, какой опасности они подвергаются.

Воздушный шар, освободившись от тяжелых предметов — снаряжения, оружия и провизии, — вновь поднялся в верхние слои атмосферы, достигнув высоты в четыре с половиной тысячи футов. Пассажиры его, услышав под собою плеск волн, решили, что наверху безопасней, чем внизу, и, не колеблясь, сбросили за борт даже самые необходимые вещи, всячески стараясь сберечь каждую частичку газа летательного снаряда, поддерживающего их над бездной.

Прошла ночь, полная тревог; она могла бы сломить людей, более слабых духом. И когда снова настал день, ураган как будто начал стихать. С утра 24 марта появились признаки успокоения. На заре облака, уже более редкие, поднялись выше. Через несколько часов смерч совсем утих. Ветер из бурного сделался «очень свежим», и скорость перемещения воздушных потоков умень-

шилась вдвое. Это все еще был «бриз на три рифа», как говорят моряки, но все-таки погода стала гораздо лучше.

К одиннадцати часам нижние слои атмосферы почти очистились от облаков. Воздух был пропитан прозрачной сыростью, которую чувствуешь и даже видишь после сильных бурь. Ураган, видимо, не распространился дальше на запад. Он как будто сам себя уничтожил. Может быть, после прохождения смерча он рассеялся в электрических разрядах, подобно тайфунам в Индийском океане. Но к этому времени стало заметно, что аэростат снова медленно и непрерывно опускается. Газ мало-помалу уходил, и оболочка шара удлинялась и растягивалась, приобретая яйцевидную форму.

Около полудня шар находился на высоте всего лишь двух тысяч футов над водой. Он имел объем пятьдесят тысяч кубических футов и благодаря такой вместимости мог долго держаться в воздухе, либо поднимаясь вверх, либо перемещаясь в горизонтальном направлении.

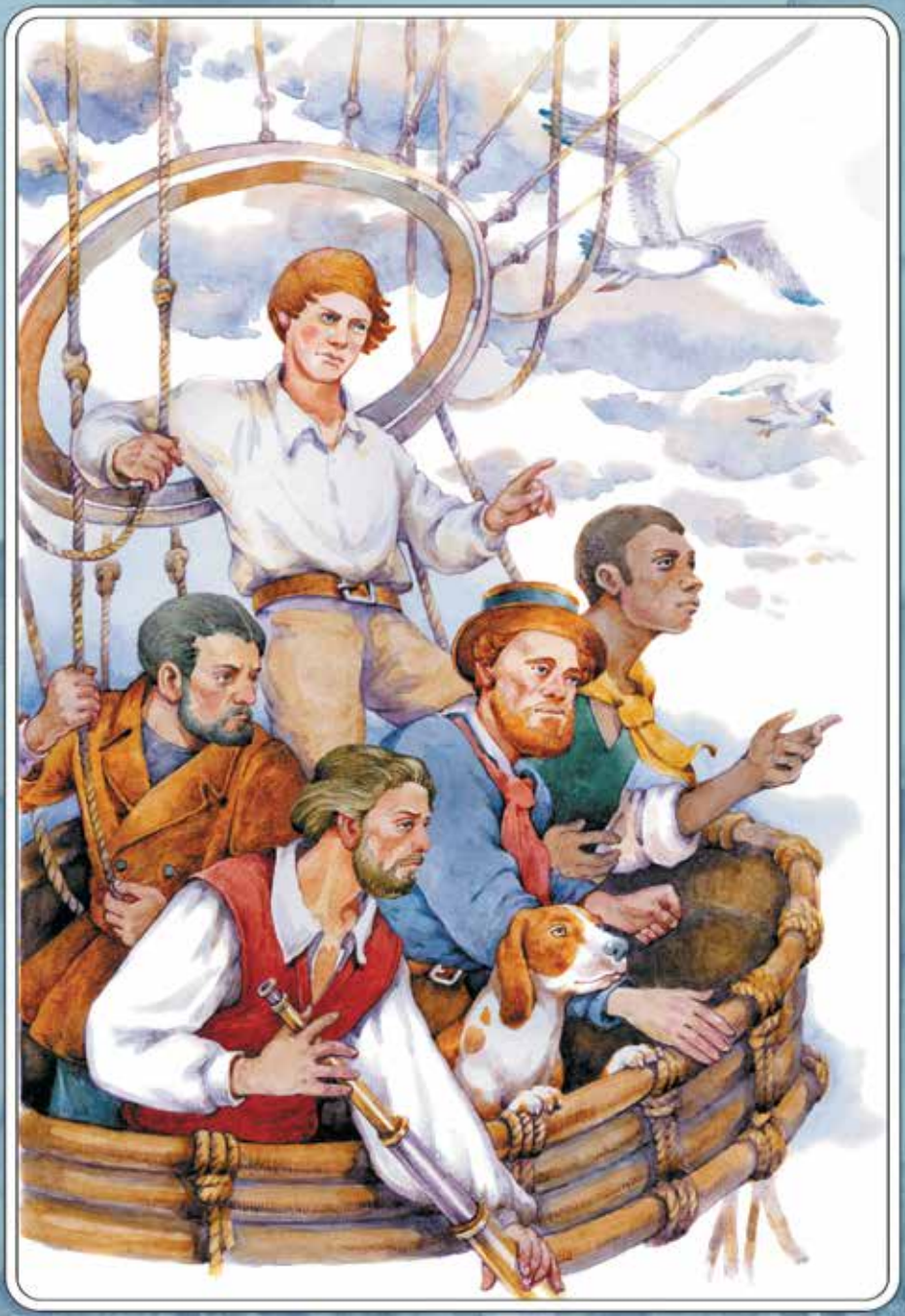
Чтобы облегчить корзину, пассажиры ее выбросили за борт последние запасы провизии и даже мелкие вещи, находившиеся у них в карманах.

Один из воздухоплавателей, взобравшись на обруч, к которому были прикреплены концы сетки, старался как можно крепче связать нижний выпускной клапан шара.

Становилось ясно, что шар больше нельзя удержать в верхних слоях воздуха. Газ уходил!

Итак, аэронавты должны были погибнуть...

Если бы они находились над материком или хотя бы над островом! Но вокруг не было видно ни клочка земли, ни одной мели, на которой можно было бы укрепить якорь.



Под ними расстилался безбрежный океан, где все еще бушевали огромные волны. На сорок миль в окружности не было видно границ водной пустыни, даже с высоты, на которой они находились. Беспощадно подстегиваемые ураганом, волны в какой-то дикой скачке неслись друг за другом, покрытые белыми гребешками. Ни полоски земли в виду, ни корабля...

Итак, нужно было во что бы то ни стало приостановить снижение, чтобы аэростат не упал в воду. Этой цели, по-видимому, и стремились достигнуть пассажиры корзины. Но, несмотря на все их усилия, шар непрерывно опускался, продолжая в то же время стремительно нестись по направлению ветра, — то есть с северо-востока на юго-запад.

Положение несчастных воздухоплавателей было катастрофическое. Аэростат, очевидно, не подчинялся более их воле. Попытки замедлить его падение были обречены на неудачу. Оболочка шара все более и более опадала. Утечку газа нельзя было задержать никакими средствами. Шар опускался все быстрее и быстрей, и в час дня между корзиной и водной поверхностью оставалось не более шестисот футов. Водород свободно уходил в отверстие оболочки шара.

Освободив корзину от ее содержимого, воздухоплавателям удалось несколько продлить свое пребывание в воздухе. Но это означало лишь отсрочку неминуемой катастрофы. Если до наступления ночи земля не появится, пассажиры, аэростат и корзина навеки исчезнут в волнах океана.

Оставался один способ спасения, и воздухоплаватели воспользовались им. Это, видимо, были энергичные люди, умевшие смотреть смерти в лицо. Ни одной жалобы на судьбу не сорвалось с их губ. Они

решили бороться до последней секунды, сделать все возможное, чтобы задержать падение аэростата. Его корзина представляла собой нечто вроде ящика из ивовых прутьев и была неспособна держаться на волнах. В случае падения она неминуемо должна была утонуть.

В два часа дня аэростат находился на высоте каких-нибудь четырехсот футов.

И в эту минуту раздался мужественный голос человека.

Ему отвечали не менее решительные голоса.

— Все ли выброшено?

— Нет. Остались еще деньги — десять тысяч франков золотом.

Тяжелый мешок тотчас же полетел в воду.

— Поднимается ли шар?

— Да, немного, но он сейчас же снова опустится!

— Можно еще что-нибудь выбросить?

— Ничего.

— Можно. Корзину! Уцепимся за веревки! В воду корзину!

В самом деле, это было последнее средство облегчить шар.

Канаты, прикрепляющие корзину к шару, были перерезаны, и аэростат поднялся на две тысячи футов. Пассажиры забрались в сеть, окружающую оболочку, и, держась за веревки, смотрели в бездну.

Известно, как чувствительны воздушные шары ко всякому изменению нагрузки. Достаточно выбросить из корзины самый легкий предмет, чтобы шар тотчас же переместился по вертикали. Аэростат, плавающий в воздухе, ведет себя с математической точностью. Понятно поэтому, что, если облегчить его от значительной

тяжести, он быстро и внезапно поднимется. Это и произошло в данном случае.

Но, покачавшись некоторое время в верхних слоях воздуха, шар снова начал опускаться. Газ продолжал уходить в отверстие оболочки, которое невозможно было закрыть.

Воздухоплаватели сделали все, что было в их силах. Ничто уже не могло их спасти. Им оставалось рассчитывать только на чудо.

В четыре часа шар был на высоте всего лишь пятисот футов. Внезапно раздался звонкий лай.

Воздухоплавателям сопутствовала собака. Она вцепилась в петли сетки.

— Топ что-то увидел! — закричал один из аэронавтов.

И сейчас же другой громко крикнул:

— Земля! Земля!

Воздушный шар, который все время несся на юго-запад, покрыл с утра расстояние во много сотен миль, и на горизонте действительно появилась гористая полоса земли. Но до этой земли оставалось еще миль тридцать. Чтобы достигнуть ее, если шар не отнесет в сторону, нужно лететь, по крайней мере, час. Целый час!.. А вдруг шар в это время потеряет весь оставшийся в оболочке водород?

В этом был весь ужас положения: воздухоплаватели ясно видели берег, которого надо достигнуть, во что бы то ни стало. Они не знали, остров это или материк; им не было даже известно, в какую часть света занесло их бурей. Но до этой земли, обитаема она или нет, гостеприимна или сурова, необходимо еще добраться!

Однако скоро стало ясно, что аэростат не может больше держаться в воздухе. Он летел над самой водой.

Высокие волны уже не раз захлестывали сетку, увеличивая этим ее тяжесть. Шар накренился набок, точно птица с подстреленным крылом.

Полчаса спустя шар находился на расстоянии не больше мили от земли. Опустошенный, обвисший, растянутый, весь в крупных складках, он сохранил лишь немного газа в верхней части оболочки.

Пассажиры, цеплявшиеся за сетку, стали для него слишком тяжелы и вскоре, очутившись по пояс в воде, должны были бороться с бушующими волнами. Оболочка шара легла на воду и, раздувшись, как парус, поплыла вперед, подгоняемая ветром. Быть может, она достигнет берега!

До земли оставалось всего два кабельтовых[1], когда раздался страшный крик, вырвавшийся одновременно как бы из одной груди. В шар, которому, казалось, уже не суждено было подняться, ударила огромная волна, и он сделал неожиданный прыжок вверх. Словно еще более облегченный от груза, аэростат поднялся на тысячу пятьсот футов и, попав в боковой воздушный поток, полетел не прямо к земле, а почти параллельно ей... Две минуты спустя он приблизился к этой полоске суши и упал на песчаный берег. Волны не могли уже его достать.

Пассажиры шара, помогая друг другу, с трудом высвободились из веревочной сети. Облегченный шар снова подхватило ветром, и он исчез вдали, словно раненая птица, к которой на мгновение вернулась жизнь.

В корзине были пять пассажиров и собака. А на берегу оказалось только четыре человека. Их пятого

---

[1] Кабельтов — морская мера длины, равная почти 200 метрам.

спутника, видимо, унесла волна, обрушившаяся на сетку шара. Это и позволило облегченному аэростату в последний раз подняться на воздух и несколько мгновений спустя достигнуть земли. Едва четверо потерпевших крушение — а их вполне можно так назвать — почувствовали под ногами твердую землю, как тотчас же закричали, думая об отсутствующем товарище:

— Быть может, он попытается достигнуть берега вплавь! Спасем его! Спасем его!